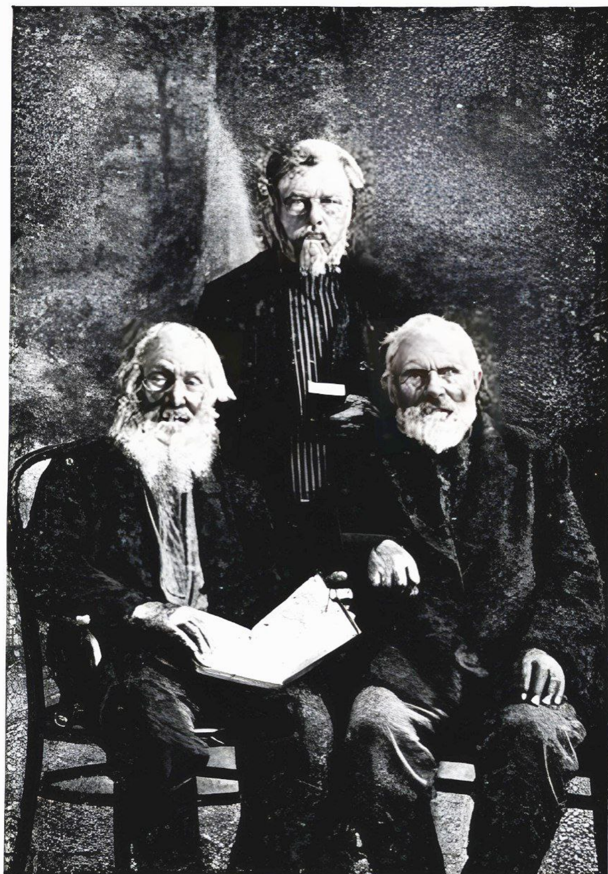
Наши старцы. Братья Кокорин П. Г., Вербицкий Г. С. и Корницкий Ф. В.

Фотография:

Стоит: **КОКОРИН П. Г.** первый обращённый в Минусинском крае. Уверовал в 1894 году. От роду имеет 70 лет, бедный, продолжает работать в своей кузнице.

Сидит (слева): **ВЕРБИЦКИЙ Г. С.** в 1891 году сослан из Каменец-Подольской губернии в Минусинский край за религиозные убеждения. От роду имеет 83 года. В вере пребывает 37 лет.

Сидит (справа): **КОРНИЦКИЙ Ф. В.** сосланный в 1890 году из Каменец-Подольской губернии в Минусинский край за религиозные убеждения. От роду имеет 97 лет. Прекрасно помнит события прошлой жизни. В вере стоит 89 лет.

Ниже мы помещаем краткие автобиографии трёх братьев-сибиряков, старцев. Два из них (брат Корницкий Ф. В. и Вербицкий Г. С.) были высланы из своих родных мест за то, что пожелали поклониться и служить своему Господу не так, как этого требовалось в православии.

Третий же брат Кокорин П. Г. был с уголовным прошлым, но:

> 11 омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего.
> 1-е послание Коринфянам 6 глава — Библия: https://bible.by/syn/53/6/

Он первый из жителей Минусинского края обратился к Богу. Эти братья были началом дела Божия в том далёком краю. Карточки и биографии были присланы в Редакцию братьями Патковскими И. Г. и Ф. Г.
Весьма желательно, чтобы благовестники сообщали в Союз о таких старцах-братьях, которые в своё время пережили скорби, гонения, но при всём этом остались верными Призвавшему их Господу. **Они, эти неизвестные герои, мужи веры, могут дать нам примеры стойкости, терпения и преданности. О них забывать нельзя.**
Пусть Господь благословит наших дорогих братьев-старцев и укрепит ещё более в их служении Господу.

Из "Долины Смертной Тени" в "Райский Божий Свет"
(Из воспоминаний брата **Кокорина Петра,** уверовавшего первым в Минусинском крае в Сибири).

Родился я в 1837 году в городе Омутинском, Вятской губернии (*в настоящее время название - Омутнинск. Город расположен в Приуралье, на склонах Верхнекамской возвышенности, в северо-восточной части Кировской области, в месте пересечения реки Омутной (приток Вятки) с железной дорогой*), в семье рабочего, по профессии кузнеца. Семья наша была из старообрядцев. В детстве мне преподали нравоучение, согласно убеждениям родителей. С раннего детства я помогал отцу в кузнице, в 12 лет поступил в земскую школу, которую в три зимы окончил с похвальным листом. По окончании учения начал работать с отцом в кузнице. Жили мы очень бедно, так как отец был пьяницей и по несколько дней не являлся домой, а когда приходил, то избивал мать. Однажды, когда мне было около 20 лет, и вступился за мать, отец хотел меня зарубить топором, но дядя спас меня. Года через полтора после этого отец ушёл на заработки и больше не возвращался.

На двадцать четвертом году и женился и ушёл в дом к тестю, а оставшиеся мои братья и сёстры вынуждены были питаться милостыней. Однажды, поздно вечером пришёл ко мне мой шурин Семён Самойловский и просил меня пойти с ним помочь ему принести вещи, которые он решил украсть у кузнеца, две новых и одну старую подрезей (подрезь - некое приспособление для лошадиных повозок, которое прибавляют тяжести повозкам при езде по рыхлому снегу), не с целью наживы, а чтобы их подложить другому кузнецу, на которого он был зол, за утаённые им сто рублей. Но нас поймали и судили, как воров. Шурина сослали в отдалённые места Сибири, а меня в Минусинский край, Енисейской губернии.

В Сибирь я прибыл в 1685 году и решил после лишений и испытаний повести жизнь трезвую и благочестивую. Но не долго было так: поступивши в деревне Средней Шуше к кузнецу Мошеву мастером, я начал с его сыном дружбу, которая закреплялась совместной выпивкой, тайно от самого Мошева. Постепенно вошло в привычку пить после трудов, с радости, горя и по настроению, пить и пить. Спустя некоторое время я переселился в деревню Н.-Покровку, приобрёл домик и кузницу. Во вновь приобретённой хате нужно было переложить печь, и я пригласил печника, жившего в трех верстах, Вербицкого Григория Самойловича, тоже ссыльного, но не за воровство, как я, а за религиозное убеждение. Во время этой работы мы разговорились с ним о жизни, и он просил меня оставить пьянство и вести трезвую жизнь. Я и сам сознавал это, но не было силы. Тогда он мне посоветовал читать Евангелие, но его у меня не было. Он мне предложил в подарок своё Евангелие и я, чтобы не остаться в долгу, подарил ему Сытинский настольный календарь. Прочитавши несколько глав Евангелия, я ничего не мог разобрать, что, к чему и для чего. При встрече в следующий раз он мне сказал: «Пей живую воду», а я не знал, где она и тогда он указал мне на четвёртую главу Евангелие от Иоанна. Я прочитал эту главу и она произвела на меня сильное впечатление: перечитывал ее несколько раз. При дальнейших беседах Господь мне стал открывать Свой путь, и я увидел себя погибшим грешником и стал молиться Богу с раскаянием, прося у Него прощения моих тяжких грехов, которые я совершил в неведении моём. Господь услышал моё моление и облегчил моё грешное сердце прощением грехов моих, это было в 1894 году. Уверовала также и жена моя.

Вскоре Бог послал к нам в Сибирь братьев, которые приехали из Херсонской губернии прямо в нашу деревню, здесь начали проходить молитвенные собрания, а через год ещё приехали из России два семейства и ссыльные приехали две семьи, таким образом у нас оказалось в Минусинском уезде членов двенадцать. Тогда братья, по письменному поручению из России,

избрали из среды себя пресвитера Н. Зилинского и Церковь начала работу, завещанную Иисусом Христом в Евангелие от Марка:

15 И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари.
16 Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет.
Евангелие от Марка 16 глава — Библия: https://bible.by/syn/41/16/

В 1899 году 10 июня я присоединился к Церкви Христовой через Святое крещение и теперь 33 года радуюсь в Господе и прославляю Его всегда моим сердцем и душою, что Он меня призвал в Свой чудный свет из тьмы, в которой я блуждал, и молю моего Господа, чтобы Он ещё многих, находящихся во тьме, привёл на этот чудный радостный светлый путь!

Я славлю Иисуса: Он милует меня,
Его благословенье все льётся для меня!
Я славлю Иисуса - Он любит без конца, -
Который Своей кровью омыл нам всем сердца.

г. Минусинск

Шесть тысяч вёрст в кандалах за религиозные убеждения
(Из воспоминаний одного из мучеников, ссыльного брата **Вербицкого Григория Самойловича**)

Родился я в 1844 году в деревне Островке, Савраньской волости, Полтавского уезда, Каменец-Подольской губернии (1), в семье однодворца (2). Отец не имел своей земли, а вел своё хозяйство на арендованной помещичьей земле. Когда мне было 12 лет, отец отдал меня в обучение грамоте старику поляку, и обучение моё продолжалось недолго, два с половиной месяца. Читать научился больше самоучкой. С раннего детства я помогал отцу в работе по хозяйству вместе с другими членами семьи. Жили мы бедно, отец всегда посещал корчму (кабак) и пропивал заработки. Я когда подрос, то стал служить вне дома и так провёл три года, а когда старший брат отделился, то я вернулся домой. Отец умер, и я жил с матерью и младшими братьями, пока они подросли, а затем и я, женившись, отошёл и начал сам хозяйствовать, и пошёл по следам своего отца: посещал корчму по праздникам. Мне было уже сорок пять лет. Однажды, мне нужно было по делу пойти в волость в другое село, и я зашёл к одному из своих родственников. Между прочим он рассказал мне, что у них появились люди, которых называют «штундами», и звал меня пойти к ним, я отказался и предложил: «Пусть они придут сюда, а я посмотрю и послушаю»; так и поступили, пригласив некоего Бризицкого, который не замедлил прийти, и спросил меня, для чего его позвали. Мы ответили, что нам интересно знать, почему вы оставили православие и иконы; он вкратце объяснил, как он верит. Меня это удивило, а вместе с тем заинтересовало. Евангелие до этого времени я не имел и не читал, поэтому всё это казалось чем-то для меня не понятным. По соседству со мной жил сельский писарь, который взял у меня книжку сочинения Дмитрия Ростовского и не хотел мне возвратить, а предлагал за неё Евангелие, я отказался, говоря: "Эту книгу я не пойму, да её нельзя читать простым людям, а только священникам!" На что он возразил, что это неверно, можно читать, что угодно, запрету нет. Не желая нарушить дружбу с добрым соседом, я взял Евангелие и стал понемногу читать, не

понимая смысла прочитанного.
В свободное от полевых работ время, я делал людям печи, и читал Евангелие; люди удивлялись и говорили, почему нам батюшки не говорят и не читают? Потом опять мне пришлось быть у родственника и снова побеседовали с теми людьми, которые живут по Евангелию. Так прошло около двух лет, и я начал новую жизнь: пьянствовать перестал, икону убрал, и сила Евангелия начала действовать на меня и чрез меня на других. Тут священник всполошился, начал меня увещать, но с помощью Евангелия я выходил победителем. Он грозил высылкой в Сибирь, но это меня не страшило нисколько. Дни проходили, а гроза постепенно надвигалась. Пристав собрал дознание и делу был дан законный ход, оно было передано следователю, который опросил меня и свидетелей и передал дело в окружный Балтовский Суд, а меня предали гласному надзору. Так длилось с августа 1890 года по апрель 1891 года. А 2 апреля 1891 года Суд вынес приговор по 43 статье: "лишение всех прав состояния и высылка в Сибирь". Из суда отправили прямо в тюрьму, а после двух недель пребывания в тюрьме вывели меня во двор к кузнице и надели ножные кандалы весом в 10 фунтов (*4,5 килограмма (1 фунт равен 0,453592 килограмм)*), затем пришёл фельдшер, обрил половину головы, одели в шинель с жёлтым тузом на спине. Теперь я был отмеченный и заклеймённый обитатель тюремного мира.
После всех опросов и обжалований, при посещении высоких особ, как-то генерал-губернатора и других, нам разрешили взять с собой семейства. Моя семья, состоящая из шести душ, продав свой домашний скарб за ничтожную цену, со мно1 отправилась в Сибирь.
Из Балты мы направились по пересыльным тюремным мытарствам, где нам пришлось встретиться со всякого рода страданиями, в в Московской тюрьме избиением нас надзирателями. Скорбно вспомнить перенесенное, но Господь подкреплял меня и семью, и мы прошли тюрьмы России и Сибири, переносили нужду, болезни, голод и холод, совершили данный скорбный путь по железной дороге, реками на пароходах, по трактовой дороге пешком. Наконец, 4 марта 1892 года прибыли на ссылки в деревню Очуры, Шушенской волости. Минусинского уезда, Енисейской губернии.
Поблагодаривши Господа за все пройденные испытания, принялись за труд, созидать себе жильё, как ласточки прилетевшие с тёплых краёв, а вместе с тем меня беспокоил и духовный вопрос: надо было поспешить к совершенству, именно: сослан я был некрещёным и так оставался, что меня очень беспокоило. На пути следования моего я сеял духовные Евангельские семена, из места ссылки я написал на родину письмо, описав привольную жизнь Минусинского края в то время. Моё письмо в России читалось с великим интересом и привлекало внимание многих. Аренда земли на лето стоила 20 копеек десятина, ну, а что нужно больше крестьянину? Хлеб родит хорошо, многие подумали переселяться, но куда? В Сибирь, а есть ли там солнце в Сибири? И такие страшные суровые мысли удерживали, лишь в 1895 году осенью судьбами свыше прибыли ко мне два семейства: Ткаченко Яков и Патковский Григорий с сыновьями. К их приезду уже Господь послал плод: уверовал один ссыльный из Вятской губернии Кокорин Петр. Это первый колос на Минусинских целинах Божьей нивы.
С этого момента Господь начал созидать здесь Свою Церковь, которая теперь в районе насчитывает более тысячи членов, в которой и я состою с 1902 года и прославляю моего Предвечного Господа, а о всех страданиях вспоминаю, как пробудившись в утреннюю пору: лучи солнца удаляют ночные грёзы, и наступает радость дня, а передо мною уже близко вечный день!

г. Минусинск.

По бушующим волнам к тихой пристани

(Из воспоминаний ссыльного брата **Корницкого Федора Васильевича**)

Рождён я в 1830 году. Отец мой был безземельным крестьянином Каменец-Подольской губернии., Балтского уезда, деревни Станиславчик и занимался хлебопашеством. Землю снимал у помещика; приходилось прилагать все силы и труд на оплату земли и разных повинностей, как денежной оплатой, а также и трудовой повинностью, помещиком нередко ставилось условием: платить половину деньгами, в половину трудом. От юности моей я читал церковные молитвенники, акафисты, и славянскую Псалтирь. Предпраздничные ночи просиживал над чтением всего этого, ища утоления моей духовной жажды. Семью свою я также воспитывал по всем правилам, которым я следовал, будучи ревнителем Православия. Временами читали и Евангелие, которое брал у односельчанина, очень меня многое интересовало и я любил читать его, но чтобы жить по нему этого я не разумел, и если бы меня кто спросил: «Разумеешь ли, что читаешь?» Я бы ответил вместе с Евнухом: «Как могу разуметь, если кто не наставит меня» Деяние 8:31.

Но Бог смотрел с высоты небес и сжалился над моей жаждущей душой и послал вестника своего. В 1887 году приехал по мне из Херсонской губ, мой родственник Завродский, который был уже верующим, принадлежал к Куликовской общине. Он мне указал на путь, который есть Иисус Христос, и я, пробудившись от сна греховного, своим духовным взором увидел моего Искупителя и пошел за Ним, дав Ему в 1888 году в крещении обещание служить доброй совестью. Через 2 года у нас в посёлке было уже 14 членов, принятых в Церковь через Святое крещение, с которыми мы радовались и прославляли нашего Отца небесного.

В 1890 году на нас возникло гонение, меня арестовали и посадили в тюрьму одного, и я сидел один год до суда, а затем взяли ещё шесть братьев и вместе нас судили. Представители ложных свидетелей, обвинявших нас в тяжком богохульстве и совращении, и суд осудил нас сослать в отдалённые места Восточной Сибири.

Заковав ноги и руки в кандалы и обрив половину головы, нас отправили в путь. Ножные кандалы нам, как серьёзным преступникам, дали в 30 фунтов весу (*13 килограмм*), и в таком положении нас вместе с жёнами и малолетними детьми отправили в Сибирь по пересыльным тюрьмам, а взрослых наших детей отняли от нас и оставили на родине. Это разлучение с семьями усугубляли наши великие страдания, к которым мы ещё тогда не привыкли. Тяжело мне было видеть, как страдала моя семья: пересыльные тюрьмы и условия жизни в них отняли у меня двух сыновей: в Киеве похоронил я одного сына 5-ти лет, а в Томске умер другой 16 лет.

В пути следования мы переживали болезни, голод, нередко пинки от конвойных солдат. По железной дороге ехали до реки Волги, по Волге пароходами потом пешком и так следовали до сибирского города Томска, так как от Волги в Сибирь железной дороги ещё не было.

Из города Томска нас в кандалах отправили пешком через Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, более двух тысяч верст до реки Лены, здесь по дороге вся пересыльно-тюремная обстановка, конвойная «вежливость», болезни, недоедания выкачивали из нас последние физические силы, но винтовочными прикладами конвойных солдат мы «подбодрялись» и таким образом этот великий путь страданья совершался от родины и до места ссылки ровно один год.

На место ссылки прибыли мы в 1892 г. в первых числах августа. Денег было у меня 20 копеек на 6 душ семейства. Вошли в предназначенную для нас деревню, нас встречали местные жители, при взгляде на которых мы испугались: они были обезображены от какой-то местной заразной

болезни: с головы и до груди какая-то страшная опухоль. По местному эта болезнь называлась зобом. Всё это наводило ужас, потому что эта болезнь неминуемо должна была коснуться и нас. Эта болезнь заставила думать нас удалиться с нашими детьми, чтобы избегнуть этого ужаса.

Мы остановились на жизнь и начали думать о заработке себе для пропитания, и для постройки хижины. К нашему счастью был вызов на постройку великого Сибирского железнодорожного пути, и мы через три года оставили место ссылки и прибыли на работы железной дороги. Проработав один год, мы приехали в Красноярск, где ещё мне пришлось оставить одного сына, старшого 23 лет, которого завалило землей в подвале, в котором он работал. Из Красноярска я со своим семейством направился в Минусинский Край, где уже некоторые братья как из ссыльных «спутников», так и вольнопереселившихся, Ткаченки и Патковские из Херсонской губернии, начали собираться и строить Божий дом, дом духовный из живых камней, в котором я нахожусь по сие время уже 39 лет, и благодаря моего Господа, что Он знает, как избавлять своих от искушения. 2-е Послание Петра, 2 г., 9 ст.

Насытившись днями жизни человеческой, и теперь ожидаю переселения в те вечные обители, где Господь утешит и отрёт слёзы страдания моего земного, которые я понёс ради имени Его Святого, и я желаю всем братьям стоять твёрдо на пути Евангелия и трудиться, и Бог вас не оставит на всяком месте, как и меня не оставил после всех страданий до девяносто семилетнего возраста. Нахожусь в Его Святой Церкви и радуюсь, всё страдание прошло как сон, а вечность и радость впереди!

---

1 Деревня Островка, Савраньская волость, Полтавский уезд, Каменец-Подольская губерния — это населённый пункт, который находился на территории современной Украины, в Одесской области, Савранском районе. **Сейчас эта деревня называется Островка-Бутырка**.

2 Однодворец — это член сословия однодворцев, которые были военизированными землевладельцами, жившими на окраинах Российской империи и нёсшими охрану пограничья3. Однодворцы имели право личного землевладения и владения крестьянами. Однодворцы происходили из служивых людей, которые в прошлом служили в дворянском ополчении, но из-за бедности и запустения земель больше служить не могли, потому что всё их поместье состояло из одного двора (отсюда название). В 1866 году сословие однодворцев было упразднено, и они были причислены к государственным крестьянам.

г. Минусинск.

Журнал "Баптист" № 8, 1927 год, страницы с 21 по 24.

Комментарии
